

Должно быть, в этом все дело. Конечно, это было такое простое объяснение всему этому.

Я сошел с ума.

Что еще могло заставить его поступить так, как он поступил? Считать себя чертовски умным, преследовать Делакур, красться за ней под плащом-невидимкой, отслеживать ее передвижения с помощью Карты Мародеров, ждать возможности поговорить наедине. В конце концов, он видел, с какой легкостью старшая девушка справляется с нежелательными ухажерами и насколько острым может быть ее язык, в то время как лицо украшает тошнотворно сладкая улыбка.

В этой ведьме было что-то глубоко неправильное, но ее внешность была полной противоположностью неправильности.

Как только прошло несколько дней после отказа Чо и ее последующего заговорщического хихиканья с Диггори, Гарри решил спросить чемпионку Боксбатонса, ведь что может пойти не так, верно?

Сначала он пытался убедить себя, что просто хочет доказать Рону, что может пригласить ее на свидание и не захлебнуться слюной, как это почти сделал Рон, чем заслужил немало разговоров со стороны Гермионы. Мерлин, он любил своих друзей, правда любил, даже когда они были бессмысленными идиотами, сомневающимися в нём в моменты, когда он больше всего в них нуждался, но им действительно следовало просто поцеловать друг друга и выкинуть это из головы, а не срываться на всех окружающих их людей.

Реакция Гермионы на предложение Рона, чтобы Гарри пригласил Делакур на бал, была резкой, хотя и точной до определенного момента.

"Не будь дураком, Рон, она ужасная, мерзкая девчонка, разве ты не видел, как она отвергла Коллина? И Шеймуса? И Дина?"

Гарри вздрогнул при воспоминании о первом. У младшего гриффиндорца был один из самых мягких отказов из списка потенциальных спутников Флер Делакур на Йольском балу, но мальчик все равно отказывался выходить за пределы общежития только ради занятий и еды. Просто... Гарри не испытывал особой симпатии к магглорожденному мальчику, Мерлин знает, что у него было сглазное лицо. К тому же Гарри до сих пор помнил, как на втором курсе его преследовали по всему Хогвартсу, когда василиск бродил по коридорам, когда его еще дразнили тем, что он наследник Слизерина. Идиоты, не мог он не думать.

Тем не менее... с тех пор все стало лучше. Профессору Дамблдору каким-то образом удалось навсегда изгнать Волдермота в середине третьего курса Гарри, он узнал, что у него есть крестный, и понял, что ему никогда не придется возвращаться к Дурслям. То есть он никогда не вернется к ним после четвертого курса. Сириуса, как было доказано, лечили в Азкабана, причём больше для психического здоровья, чем для физического, которое исправлялось в большей или меньшей степени с помощью зелий, припарков и просто нормальной еды, не перемолотой и не процеженной в чистую жёлтую жижу.

Так неужели он так сильно просил всего лишь один год, когда ничего не происходило, когда он был просто одним из массы студентов Хогвартса? Просто мальчик, а не Мальчик-Который-Выжил? Конечно, так и было - откуда еще волшебникам получать ежедневную порцию скандалов и зрелищ, как не через любимого сироту?

После Первого задания ситуация значительно улучшилась, и Гермиона с Роном почти умоляли его простить их за то, что они сомневались в нём, за то, что заставили его пройти через всё это в одиночку, когда они были вместе во всех их предыдущих приключениях. Конечно, он простил их, как же иначе? Они были лучшими друзьями. Его немного раздражало, что они считали все эти казусы в его жизни приключениями, но лучше уж так, чем кошмары, подумал он.

А потом тот инцидент с Чо. Честно говоря, он как раз собирался отправить сову Сириусу, чтобы попросить его рассказать побольше историй о маме и папе, и тут на глаза ему попала она, улыбающаяся и закутанная в сине-бронзовый шарф. Гарри почувствовал довольно характерное бурление в животе, идентичное тому, которое он ощутил, когда увидел ее в Хогвартс-экспрессе в том году, и он был совершенно уверен, что это бурление имеет мало общего с несварением желудка. Возможно. Кто знает, что кладут в эти "Берти Боттс"?

Он вспомнил, с ясностью, которую может принести только обида, как все это произошло.

"Чо!" - сказал Гарри, гордясь тем, что его голос не сломался пополам.

Чо, в свою очередь, казалось, забавляло то, с каким нетерпением он смотрел на нее. "Привет, Гарри. Кому-то звонишь?" Ее глаза были так прекрасны в полумраке советника, а запах свиного помета даже не досаждал ему. Ее улыбка... такая милая.

"Да", - сказал Гарри, небрежно избегая заикания или просто таращась на нее. Гриффиндорская храбрость и тоненький голосок в затылке, слишком похожий на голос Сириуса, подсказали ему: "Выкладывай или убирайся".

Чо снова повела себя изящно и ничего не сказала о его нежелании говорить. Просто у нее было странное выражение лица.

"Я хотел спросить, - сказал Гарри без единой дрожи в голосе, - ты ведь слышала о Йольском бале?" Она кивнула, и ее улыбка стала еще шире, согревая Гарри изнутри так, как никогда не могли согревающие чары. "Я просто... хотела узнать, что это такое".

Чо хихикнула. "Простите, не могли бы вы повторить последнюю фразу?"

На этот раз он произнес слова более четко. "Я просто хотел спросить... не хочешь ли ты пойти со мной на бал?"

И хотя она все еще улыбалась, это была уже не та улыбка. По краям она стала почти хмурой. "О, я бы хотела, Гарри, правда хотела бы, но... - она прикусила нижнюю губу, что было определенно не мило, но все же приятно, - Седрик уже пригласил меня на свидание, и я сказала "да". Прости", - она опустила голову, как будто у нее была причина стыдиться.

"Все в порядке. Я все прекрасно понимаю. Ранняя пташка и все такое". Он улыбнулся, не собираясь этого делать, но чувствуя неловкость от отказа.

"Прости", - сказала Чо в последний раз и прошла мимо него.

Он мог бы и дальше биться головой о стену, если бы некая белоснежная сова не возвестила о своем приближении уханьем и не приземлилась ему на плечо. Хедвиг начала прижиматься к щеке Гарри, и его лицо расплылось в ухмылке.

"Ну что ж, у меня всегда есть выбор в пользу тебя, не так ли, Хедвиг?" - сказал Гарри. "Разве это не было бы чем-то особенным - ты и я, кружащиеся по Залу? Мерлин, танцы, - покачал

головой Гарри, - я в полном дерьме, не так ли?"

Хедвиг, казалось, немного подумала, прежде чем согласиться с ним.

"Так вот, у меня тут для тебя письмо, девочка. Ты согласна на небольшое путешествие в Лондон?" Он достал конверт из кармана зимнего халата и протянул ей. "Это для Сириуса". Хедвиг надула грудь в ответ, как будто оскорбленная его вопросом, но вскоре успокоилась, взяла конверт в одну руку и добродушно ущипнула его за ухо, прежде чем взлететь в крахмально-белое небо.

Его подруга, его любимая спутница, отгоняла мрачные мысли биением своих крыльев.

Тогда ему казалось, что он очень хорошо перенес свой отказ от Чо Чанга. По крайней мере, так было, пока он не увидел ее в Большом зале, сидящую рядом с Седриком Диггори за столом Хаффлпаффа - все, кроме нескольких, одарили его единым взглядом - и тогда они оба разразились приятным сахаристым смехом, на который он мог бы и дальше не обращать внимания, если бы они не повернулись, чтобы посмотреть на него, и улыбки на их лицах не расплылись. Седрик пожал плечами, как бы говоря Гарри: "Хорошая попытка, но недостаточно хорошая", и самое ужасное, что Седрик не имел в виду ничего плохого. Он мог бы справиться с этим. Он действительно мог бы, он не стал бы искать французскую ведьму и просить ее сопровождать его на Йольский бал, если бы только... если бы Чо просто держала свое лицо подальше от него, если бы она не хихикала прямо в ухо Седрику, который бросил на него еще один взгляд, подавляя ухмылку, появившуюся на его лице. Желудок Гарри опустился вниз - ощущение было такое, будто внутрь опустили гигантский ящик со свинцом.

Смеялись над ним. Не то чтобы он не испытывал этого раньше, до или даже в Хогвартсе, но это было как-то по-другому.

Почему-то это заставляло его чувствовать злость.

Злость, как тогда, когда эта жирная корова, Мардж, оскорбляла его родителей, называя мать сукой с дурной кровью.

Злость, как тогда, когда Сириус и Ремус рассказали и раскрыли настоящего предателя в их среде.

Злость, как в первый раз, когда он понял, что в Зеркале Эризеда нет ничего настоящего, ни матери, ни отца, которых он мог бы обнять.

Она кипела, как партия яда, которую Снейп всегда держал на огне, постоянно намекая, что в тот день он проверит навыки и знания Гарри Поттера в области зельеварения, чтобы узнать, выдержит ли его противоядие стандарты Снейпа.

По его мнению, Волдеморт мог испытывать такую же злость, как и он, перед тем как его изгнали в мрачную загробную жизнь.

Не стоило рассказывать ему о драконах.

Мысль пришла сама собой, а за ней быстро последовали чувство вины и ненависть к себе.

Он подавил ее. В тот момент, в Большом зале, когда он стал свидетелем бессердечной жестокости насмешек, он задушил ярость в зародыше, но в то же время держал ее в сжатых руках, как держат змею на расстоянии, но все еще в пределах досягаемости.

<http://erolate.com/book/4312/154731>